

Зачем бить посетителя калошей?

Человечество, как сказал Маркс, смеясь, расстается со своим прошлым. А вдоволь насмеявшись, возвращается к нему уже с серьезным видом. Так появляются музеи... Так в провинциальном Задонске возник музей региональной прессы «Антресоль». Создавался он соборно, газетчиками области при поддержке Липецкого отделения Союза журналистов, и этот опыт был отмечен большим призом российского фестиваля «Вся Россия -2016».

Ничего личного!

«Когда приезжают в музей иностранцы»... Такой веселой фразой хотелось бы начать это письмо... А то и еще лучше: «После визита в музей чиновников правительства ситуация заметно улучшилась»... Но это было бы не совсем корректно по отношению к другим посетителям.

Хотя есть в нашей пухлой гостевой книге запись китаянки из города Аньшань (без перевода на

АЛЕКСАНДР КОСЯКИН,
ЖУРНАЛИСТ
«ЛИПЕЦКОЙ ГАЗЕТЫ»

русский, что написала — никто не знает...), и заместителя министра печати, и многих других. Все пишут, что мы на правильном пути. А как похвалят, хочется работать еще лучше...

Про собирание музея никак не скажешь: «Ничего личного». Наоборот, многие экспонаты уводят тебя в прошлое, и ты все время себя спрашиваешь: «А помнишь?»

Я пришел в газету в 1974-м, после армии, и с тех пор меня окружали вещи, которым я многим обязан (не смейтесь — я не язычник). И не только предметы, но и запахи — например, типографской краски. Только что отпечатанную газету с нашими первыми заметками мы, молодые, буквально нюхали в типографии... как щенки — косточку. И вот все эти статьи, шрифты, буквы, литеры, матрицы... — всю эту нашу прошлую жизнь Время отправляет на свалку!

Как же так? Ведь газета была нашим домом. А в каждом доме, в каждой семье есть вещи, дорогие сердцу. Может быть, даже милые глупости вроде слоников на комод, над которыми не одно поколение потешалось. А тут — твоя история, твоя молодость и все, что тебе и от тебя осталось...

Однажды областной Союз журналистов организовал визит в музей ветеранов липецкой прессы. Ну что сказать... Общаясь с товарищами по перу от случая к случаю, многого не замечаешь и польсевшего вдруг коллегу, забывшего вставить зубы, воспринимаешь как заурядный факт природы:

подумаешь, бывает (себя-то, красавца, видишь в зеркало почитай каждую неделю)...

Но вот когда собрались все вместе... Признаюсь, первое и самое сильное открытие было такое: как мы все постарели! Но, пропустив положенные в таком случае охи, сразу выскажу главную, на мой взгляд, в этой связи задачу — не выиграть очередные выборы, и даже не поднять с помощью печатного слова урожайность и привесы, а ... сберечь кадры, друг дружку, сохранить корпоративное братство. Разве не ради этого и существует наш профессиональный союз?

Ведь были же потери и в нашем цехе — там «съели» одного, там растоптали другого, у третьего языка обострилась и никто не помог. Да и войны локальные между газетами нет-нет да и случаются. Берег левый, берег правый... Недолет, перелет. Шныряет из окопа в окоп, из издания в издание шустрая газетная солдатня. А на одном фланге картечью разом пару СМИ

смело, а на другом кто-то встал, было, во весь рост да тут же и присел под окриком командира, а на передовой «языка» взяли, и он уже пьет с победителями, как со своими...

Однако при чем тут музей? А при том, что в нем как раз и живет теперь наша репортерская прошлая жизнь. В разделах много раритетов — газет XIX и начала XX веков. Часть подшивок найдена на... свалке. Вот у дверей стоит дворник (манекен) — для него пресса — просто мусор. Но здесь же надпись: «Газета живет один день. Так думает каждый дворник. Экспозиции музея готовы с этим поспорить».

Мы, в отличие от человека с метлой, газеты не замечаем, а собираем. Без какой-либо брезгливости. Их тут великое множество — от парадно-торжественных со многими восклицательными знаками до зловещих с унылыми передовицами о «врагах народа». Есть и такие, которые в сжатые сроки, как переходящие знамена,

передавались от одних учредителей — другим. Хозяева были разные, иногда они даже воевали друг с другом, а пишущие были одни и те же: талант прислуживать не пропьешь.... Мы называем их здесь «Газеты Карабаса Барабаса»...

Донос как фигура творчества

А вот еще любопытный документ — донос одного журналиста на другого... «В самый траурный день нашей страны — похорон вождя и учителя товарища Сталина собкор "Орловской правды"» А.Н. Прокофьев играл на гармошке, проявив политическую незрелость. Прошу принять меры. Доброжелатель». Творческий поклев на коллегу написал в кабинете первого секретаря райкома журналист местной районки... за стакан спирта. «Доброжелатель» был с похмелья. Чекисты тут же взяли след, но при обыске на инструменте обнаружили толстый слой пыли. Это и спасло. А гармонь теперь стоит на музейной полке...

Коллеги моего поколения с удовольствием разглядывают (а иногда, кажется, нюхают) линотипные строчки, буквы ручного набора, тассовские клише, верстатки и прочие. Известно ведь, что для человека, работавшего в газете, любая другая профессия кажется пресной. А жаргон, на котором разговаривают журналисты, для посторонних — смесь французского с нижегородским: «метранпаж», «колонтитул», «цицера», «нонпарель», «подвал», «дырка», «строкомер»... Эта заумь иногда может помешать личной жизни. Помню,

как сам когда-то заливал девушке про расправившие грудь чувства, но в самое неподходящее время звонил редактор, и мы долго говорили про дырки на «чердаке» и в «подвале».

Спускаясь с газетных облаков на землю, я уточнял: «Так что мы там говорили про любовь?» Девушка уходила с прямой спиной, ни разу не оглянувшись. А любовь... Любовь, конечно, оставалась. Стали бы мы без любви обхаживать эту дивную, с характером, никогда не стареющую даму по имени «Газета»... Менялись вожди, девизы, эпохи, а она жила своей жизнью, и, как ей и положено, звала, боролась, отражала.

Свою, особую, строку в ее биографии написали фронтовики. Они возвращались с войны в старых гимнастерках и сапогах, обутом еще под Ельней. На редакционной летучке по привычке доставали кisetы (хотя у многих уже были папиросы), и в дыму тонули глаголы прошедшего времени и существительные текущего момента. Они мастерили блокноты из школьных тетрадей, еще не очень понимая, как это — писать не о ненависти к врагу, не о потере товарищей, а про мирную жизнь и первые пятилетки.

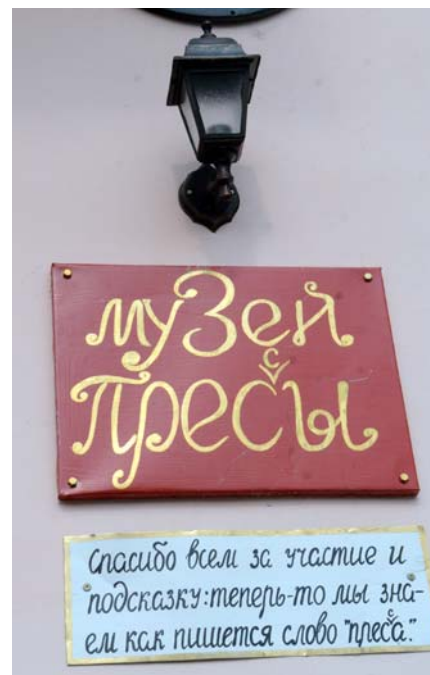
По праздникам они надевали свои ордена, а редактор — Иван Тимофеевич Фролов — еще и звезду Героя Советского Союза. Журналистам-фронтовикам в музее посвящена экспозиция, изображающая музыкантов. Трубачи с барабанщиком (манекены) играют

старинный вальс. На попире — надпись: «После войны в редакции был свой маленький духовой оркестр. Бывшие старшины и майоры играли на разных инструментах, а редактор — на бас-трубе».

Я хорошо помню фронтовиков. Они вели в газете тематические полосы «Дорогами славы», но о себе могли что-то рассказать, только крепко выпив. Так мы узнавали, что заведомом сельского хозяйства Александр Иванович Марков на войне командовал штрафной ротой, а собкор Сергей Тимофеевич Безлепкин был знаком с самим Леонидом Ильичом Брежневым — еще с Малой земли...

Среди первых моих учителей был человек с профессией доброй, но по названию немного рычащей — корректор. Это он учил меня русскому газетному языку (был такой в природе!). И я хватался за расставленные им запятые и тире, как за палку, брошенную соскользнувшему в реку. Мы, полдюжины пишущих, не могли совсем уж низко пасть в глазах читателя прежде всего благодаря

ему. Точнее, ей — Надежде Алексеевне Скалзуб.

Если взмыленный корреспондент или уставший в долгой командировке заведомом отдавали в набор нечто не вполне русскоязычное, то корректор становился и переводчиком на нормальное наречие. С тех юных лет лично для

меня корректор — это еще и корректность. Ни разу Надежда Алексеевна не повысила голоса, не вышла из раз и навсегда очерченного для самой себя круга обязанностей. Гремел гром, сверкали молнии, строчили пулеметы, лентотипист бил прицельно по ответ-секретарю, метранпаж разил выпускающего, а тот, виляя и отстреливаясь, уходил по траншее в туман, горели занавески и сыпалась на пол штукатурка (так мне, во всяком случае, тогда казалось)... а посреди этого вечного газетного бедлама сидела за столом женщина в аккуратных очечках и читала. Просто читала оттиски полос, полагая это главным делом своей жизни, ради которого не стоит отвлекаться ни на что иное...

Ни тогда, ни много позже я не мог предположить, что наш корректор, эта милая и уравновешенная женщина, — фронтовичка, дошедшая до Чехословакии. Что в числе первых своих боевых наград она получила медаль «За боевые заслуги». Но вот чего теперь жалко — не может Надежда Алексеевна добраться до нашего музея, чтобы вместе с нами повспоминать — годы, болезни. Дай ей Бог здоровья!

В общем, мы решили собирать по всему свету свой газетный «Бессмертный полк», и сами станем в его ряды. Но здесь будут не только фотографии в рамках, но и документы, письма, статьи, истории.

Вот для примера еще одна. Журналист и бывший фронтовик Николай Переведенцев был, как те-

перь бы определили, диссидентом. Он серьезно воевал с первым секретарем обкома, писал во все концы о его злоупотреблениях, но получал отписки (в музее есть, например, ответ из аппарата М. Горбачева). И однажды получил письмо из... Лондона. Помню, как он зачитывал его в «курилке» — отставив ногу и держа текст на вытянутой руке: «Уважаемый сэр Переведенцев! Благодарю Вас за оказанное мне внимание своим письмом. Но недостатки, о которых Вы так любезно информируете меня, находятся в компетенции советских органов. Искренне сожалею, что не могу Вам помочь.

С наилучшими пожеланиями...»
...Тут коллега притормаживал и, насладившись паузой, завершал: «Маргарет Тэтчер!»

Да, были люди в наше время, богатыри — не мы... Разве поверят нынешние зубастые «акулы пера», что после критики в газете какого-нибудь директора снимали, а рубрика «Меры приняты» имела постоянную прописку на первой полосе? Как объяснить молодой поросли, что в каждом из нас тогда сидел маленький Павлик Морозов, что за пишущую ручку редактор брался куда реже, чем за дверную — от входной райкомовской...

Или про то, что заводились в газетах целые полосы писем читателей, что «кустовые» летучки были праздником, что были такие жанры как очерк и даже фельетон! Но с другой-то стороны, кто из старичков мог предположить пару пятилеток назад, что компьютер с треском выгонит из кабинетов пи-

шущую машинку, а мобильники будут висеть под мышкой у каждого, как «ПМ» у молодого опера? Эх, кабы молодость знала, кабы старость могла...

Выпоротый редактор — как предчувствие

Все, о чем я говорил выше, широко представлено в музее, — вещи журналистов, документы, фотографии. А еще — манекены. Причем иногда им приходится «играть» и незавидную роль. Вот один из многих — выпоротый редактор. Он стоит в углу, спустив, извиняюсь, штанишки, и плачет, горестно прикрыв глаза рукой. Над ним — табличка: «Выпоротый редактор — мечта каждого, обиженного газетой». Тут же — застекленная цитата из А.П. Чехова: «Всякого только что родившегося младенца следует старательно омыть и, давши ему отдохнуть от первых впечатлений, сильно высечь со словами: «Не пиши! Не пиши!» Ясно, что родители этого несчастного не читали Чехова.

Серьезные темы и вещи шуточные в музее часто соседствуют, а иногда они и вовсе перемешаны. Требник XVIII века и французская «Шарли», из-за которой двенадцать журналистов убили (тот самый номер), печатная машинка «Континенталь» (любимая К. Паустовским) и обычная всепогодная фуфайка, деньги атамана Маруси (тоже ведь печатная продукция!) и бирючинные кости, оставшиеся после отобедавшего в местном трактире Пушкина... — все это и многое другое — равноправные экспонаты музея.

Лозунги по стенам иногда тоже не совсем бесспорные, но они — для посетителя думающего и наблюдательного. Уже у входа его встречает объявление (тут же переведенное на английский): «Уважаемые дамы и господа! Приглашаем вас в наш музей. Будьте внимательны: его создавали журналисты, а значит, вас ждут неожиданности. Не всему вы обязаны верить, но постарайтесь признать право каждого на свою точку зрения». Вопросы возникают на каждом шагу.

Ничего однозначного и нравоучительного: эпохи, люди, темы — сами спорят друг с другом. А вы — смотрите, вспоминайте, размышляйте... Один из разделов посвящен трагической истории — репрессиям. Предваряет его распятая... зэковская фуфайка. Тут же — изолятор с настоящей тюремной дверью. За ней — человек десять изувеченных и напуганных после допроса. Перед входом — портрет вождя: Сталин делает кому-то козу.

А рядом — слова С. Довлатова: «Мы без конца ругаем товарища Сталина и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить — кто написал четыре миллиона доносов?» Вопрос? Да еще какой! Тут же — инсталляция «Русская тройка». За столом сидят трое: чекист, секретарь обкома и прокурор. В 1937-м Политбюро разрешило «тройкам» выносить смертные приговоры без суда. Но за каждым из этой тройки торчит мишень, а выше — надпись: «А потом придет их черед». По статистике почти

все эти «вершители судеб» были тоже расстреляны.

Но даже в самый мрачный год страна жила не одними худыми предчувствиями. 1937-й вошел в историю не только как год Большого террора. Тогда же страна широко отметила 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина. Поэта, которого еще недавно собирались сбросить «с корабля Истории». Газеты, журналы того периода передают эту волнующую атмосферу...

Большой интерес вызывает раздел «Любить вождей по-русски!» То есть — вздох, как только мы и умеем. Экспонаты тут разные: полное собрание сочинений Ленина выстроено в столбик. Высокий получился, а венчает его плашка с засохшим цветком...

А вот — на зеленом сукне лежит изможденное полено с пояснением: «После первого коммунистического субботника отыскалось 122 человека, помогавших Ильичу нести это бревно».

Дело о пропавшей букве «с»

Вообще музей построен не по классическим канонам, ведь создавали его не профессионалы этого дела, а журналисты, а с них какой спрос! И потом, если что не так — старшие товарищи поправят... И уже поправляют! Вот была замечена и избличена ошибка на уличной вывеске: «Музей прессы».

Правда, ошибка там же исправлена — недостающая буква ловко вскарабкалась на «с». Но бдительные граждане гнут свое. Этого мы и добивались! Человек не мо-

жет без ошибок, но надо их исправлять и не допускать впредь. Только и всего!

Рядом в рамочке еще одно сообщение: «В нашем музее активно работает статья 29 Конституции РФ». Что за статья, в чем интрига? — стучит в дверь посетитель. И мы с порога передаем ему полный текст статьи, радуясь, что по крайней мере одну конституционную норму человек теперь будет знать! Просветительство? Да, и тут, пожалуй, проявляется генетика музея как явления.

Вообще современный музей — это не старушка у входа, которая выучила одну фразу «Руками не трогать!» и умеет бить по рукам посетителей снятой калошей. Наш будет и аудиторией, и ристалищем, и театром, если угодно.

Изюминка «Антресоли» — манекены. Их более ста штук, ростовых, тематических. Ни один не похож на другого, и каждый ведет свою партию. Однажды пришла моя матушка. Она остановилась на пороге, прищурилась и стала раскланиваться с... манекенами. А потом еще и разулась на пороге (так, знаете ли, принято у нас в провинции, когдаходишь в опрятный дом). Не знаю, как бы реагировала на такое мадам Тюссо, но мне было приятно...

...И о погоде

Сегодня немного заело с учредительством. Пока у «Антресоли» нет собственника. **Из этой данности возникает предложение: почему бы Союзу журналистов России не взять под крыло новую медийную структуру, открыть**

Музей прессы федерального уровня?

У предлагаемой идеи почти одни плюсы. Есть, правда, маленький минус, который легко, как известные брюки, превращается в плюс. Музей построен не в Москве, а в провинции. Но в столице вообще много чего построено, а что — жизнь стала счастливой? И потом, при современных средствах коммуникации сам вопрос «где находится музей — на Тверской или в Косорыловке?» — не очень-то и принципиален.

А вот плюсы.

- 1 Это новое дело.
- 2 Это во всех смыслах творческое дело.
- 3 Музей по своей философии сродни газете, portalу, каналу, у него событийная сущность: любой принесенный экспонат — уже повод поразмышлять и сообщить об этом в СМИ (а если иметь в виду вброс в Сеть, это важный ресурс креативной раскрутки музея).
- 4 Ни одно издание в стране не имеет пока собственного музея такого объема и такого смыслового наполнения. А с

участием Союза он будет расти, развиваться не по дням, а по часам.

И, наконец, главное. Почему бы не заняться созданием нового вида медийной журналистики — виртуального музея прессы. В Сети. Все СМИ теперь имеют свои сайты. Информации — море. Но ее можно (нужно!) структурировать под новую идею. Мы быстро переведем в электронный архив все, что уже имеется, и начнем собирать разделы музея по темам.

Многие коллеги, я уверен, в России откликнутся и будут пополнять заявленные экспозиции. Важно, что такой музей начнет жить и активно работать сразу, с колыбели, и ему не надо будет менять «памперсы» — что-то потребуется только на обслуживание сайта. Он сразу станет копилкой, архивом, аудиторией, библиотекой, кафедрой... Газета, журналист, студент, селькор, читатель... — все смогут «брать» из разделов нужное, по частям, по кусочкам, а если кто-то найдет у себя свободные площади, то сможет создать и свой, в плоти, музей.

В идеале его должна иметь каждая редакция, ведь не архив, а именно газета с ее подшивками

(а теперь и электронной версией) есть хранилище истории города, района, области, республики. К тому же в редакцию приходят люди. А еще собирание музея — это воспитание самоуважения, не последнего качества для журналиста. «Антресоль» готова помочь коллегам в этом деле.

Напоследок приведем важную цитату — запись из нашей Книги жалоб и предложений. Ее сделал летом студент факультета журналистики Московского РУДН Никита Шаргин: «В «Ленинке» не дают газет, в Сети фиг два найдешь материал. Курсовые снимать не из чего, писать не из чего, думать не над чем. Студенчество негодует. Тем временем в 400 верстах от Москвы находится целый архив... Искренняя благодарность создателям музея за полученное удовольствие и неожиданные перспективы в деле написания научных работ».

Когда «студенчество негодует», к этому надо, как минимум, прислушаться. А то наука пострадает. А вы, в самом деле, приезжайте к нам, ребята! И мы постараемся снять стресс. Ведь музей — лучший антидепрессант, о чем доктор в своих карточках еще напишут.

